

ОСТРОВ ТЫСЯЧ

ДЖИЛБЕРТ
КЛИНДЖЕЛ

ТАИИ

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ
ЖИЗНИ ДВУХ УЧЕНЫХ

НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ

Входит в список лучших книг
по естественной истории, формирующих
базу знаний человечества

Джилберт Клинджел

**Остров тысячи тайн: невероятная
история жизни двух ученых
на необитаемом острове**

«Азбука-Аттикус»

2023

УДК 910.4
ББК 26.890

Клинджел Д.

Остров тысячи тайн: невероятная история жизни двух ученых на необитаемом острове / Д. Клинджел — «Азбука-Аттикус», 2023

ISBN 978-5-389-24698-0

Обычный служащий из американского Балтимора всегда мечтал о морских путешествиях. Купив вместе с другом небольшую яхту и заручившись поддержкой местного музея Джилберт Клинджел организовал научную экспедицию для изучения пустынных островов Карибского моря у побережья Юкатана. Но друзья так и не добрались до пункта назначения. Их лодка разбилась о рифы Багамских островов. Выбравшись на берег, натуралисты-любители решили не отменять экспедицию, а просто изменить объект изучения. Живя в полуразрушенной хижине они исследуют остров, разбивая ноги о камни, забираются в пещеры с летучими мышами и плавают вокруг рифа в компании акул. Несмотря на все сложности путешествия, через несколько лет Клинджел вернулся на остров, чтобы продолжить исследования. Дневники двух экспедиций легли в основу этой книги. Книга будет одинаково интересна и любителям экстремальных приключений, и поклонникам книг о тайнах природы. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 910.4

ББК 26.890

ISBN 978-5-389-24698-0

© Клинджел Д., 2023
© Азбука-Аттикус, 2023

Содержание

Вест-Индия[1]	6
В море	14
Кораблекрушение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дж. Клинджел
Остров тысячи тайн. Невероятная
история жизни двух ученых
на необитаемом острове

*Никогда не пренебрегайте тайным предчувствием,
предостерегающим вас об опасности, даже в тех случаях, когда вам
кажется, что нет никакого основания доверять ему.*
Даниэль Дефо. «Робинзон Крузо»

Gilbert Klingel
INAGUA

© Gilbert Klingel, heirs, text, photos, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская группа Азбука-Аттикус», 2023
КоЛибри

Вест-Индия¹

В холодном сумраке ноябрьского вечера дрейфовал наш парусник. Текучие струйки тумана кружились около мачт и медленно растворялись в пустой серой мгле, окружавшей судно. Было очень тихо. Только слабый плеск небольших волн о борт да заглушенный туманом тоскливый крик чайки нарушали безмолвие.

На провисших шкотах длинными рядами блестели капли, они срывались и со стуком падали на мокрую палубу. Напрасно я напрягал слух, надеясь услышать сирену или судовой колокол, – только блок тихо поскрипывал на верхушке мачты. Опять где-то вдали закричала чайка, но тут же смолкла.

Вот уже пять дней мы дрейфуем в серой мгле, ощупью движемся неизвестно откуда неизвестно куда, и паруса наши то часами висят неподвижно, то едва надуваются от бессильного ветра. Пока я стоял на палубе, слабый ветерок принес с собой неясный запах соляных болот и гниющих водорослей, натянул было шкоты и умер, едва успев родиться. Штурвал повернулся немного, скрипя как бы от огромной усталости, и тоже замер.

Я выколотил пепел из трубки, стряхнул воду с дождевика и открыл дверь в каюту. Навстречу вырвалась волна теплого воздуха, полного запахов кухни и приглушенных звуков величественной «Финляндии» Сибелиуса.

Высокий, светловолосый, похожий на северянина Уоли Колман, первый помощник капитана, он же кок и мой единственный спутник, весело улыбнулся мне, я сошел по трапу и вяло опустился на койку. Колман держал над плитой полную сковородку коричневых шипящих устриц, а другой рукой готовился остановить маленький, прикрученный к полке над койкой патефон, на котором стояла пластинка Сибелиуса.

– Ветра все нет? – спросил он.

Отрицательно покачав головой, я улегся на одеяла, но беспокойство охватило меня. Туман висел и висел, застилая все вокруг и задерживая наше путешествие. Я тревожился, предчувствуя, что это затянувшееся затишье, изредка нарушаемое ревом нашего горна, – лишь прелюдия к чему-то более серьезному. Была вторая половина ноября, приближались декабрьские штормы, и мне не терпелось поскорее покинуть северные воды.

Через иллюминаторы я видел, что свет тускнел, уступая место густеющему сумраку. Он не был глубоким и плотным, этот сумрак, в нем было что-то неуловимое, делавшее его прозрачным и нереальным. Шел пятый вечер с тех пор, как дневной свет исчез в пустой мгле.

Колман зажег керосиновую лампу, укрепленную в медном подвесе, и при ее мягком свете мое уныние рассеялось. Он поставил на столик дымящуюся кучу устриц с картофелем, горячий кофе и необъятную грудку черных сухарей с маслом. От соленого воздуха аппетит разыгрался, и мы молча и жадно набросились на еду. Наевшись, мы прилегли отдохнуть и покурить. Но прежде мне пришлось выйти на палубу, ощупью пробраться к грота-штагам, отыскать штаговый фонарь, зажечь его и повесить на место. Туман стоял такой густой, что огня не было видно в трех метрах. Затем я измерил глубину и бросил якорь. Судя по глубине, мы стояли где-то посреди Чесапикского залива, но где именно, я не знал.

Я спустился обратно, закурил трубку, затаился несколько раз и оглядел нашу уютную каюту. В ней – все, что может понадобиться двоим путешественникам для многомесячного плавания. От всех других кают она отличалась тем, что одна половина ее была целиком занята специально сконструированным длинным лабораторным столом. На столе сверкала масса разноцветных бутылок с химикалиями и множество различных инструментов – все это на случай

¹ Главы «Вест-Индия», «Рождение острова», «Переплетающиеся нити островной жизни», «Загадочная миграция», «В поисках розовых птиц» даются с небольшими сокращениями.

качки было туго прикреплено скобами к переборке. К крышке стола был повернут биноклярный микроскоп в водонепроницаемом чехле. Рядом стояла полка с полдюжиной шприцев – от самого маленького на два кубических сантиметра до самого большого, емкостью почти в пол-литра, внушительно поблескивавшего стеклом и никелем. На той же полке стоял ящик с хирургическими инструментами – зажимами, крючками, щипцами, скальпелями, иглами и пинцетами. Под полкой помещалась доска для анатомирования с двумя стоками, ведущими в ослепительную раковину из монель-металла, разделенную надвое. Одна половина была пуста, в другой лежали ванночки для проявителя и фиксажа и аппарат для промывки фотографий. Тут же стоял небольшой фотоувеличитель с автоматическим выключателем и несколько держателей для сушки и обработки пленки. Ящики стола заполняли сачки, сетки, коробки для бутылок с образцами, фотопленки, ружья и разные другие вещи. На столе стояли полки со справочниками – большими томами в унылых серых и коричневых переплетах.

И наконец, последние пять футов стола, ближе к корме, были отведены искусству навигации – об этом свидетельствовали карты и хронометр, невозмутимо тикавший в своем мягком плюшевом чехле. Около хронометра стоял ящик с секстантом и ночными биноклями.

Напротив лабораторного стола помещался камбуз. Чтобы не мешал жар, камбуз был отгорожен от остальной части каюты, и Колман колдовал в нем над устрицами и кофе. Ближе к корме, в свободном пространстве под палубными бимсами, приютились наши койки – по одной с каждого борта. Только здесь мы могли свободно проявить свою индивидуальность, – всей остальной территорией мы владели сообща.

Колман – заядлый курильщик, и поэтому у него под рукой была полка с великолепной коллекцией трубок и надежно прикрепленная к переборке табакерка с желтым табаком. Над его койкой, также основательно привинченные, висели три картины: «Улыбающийся офицер» Франса Хальса, японский эстамп с белой цаплей, изящно балансирующей на одной ноге, и еще одна картина, более сурового содержания, под названием «Гольфстрим». Эта последняя, кисти Уинслоу Гомера, изображала бурное море, судно, чуть поменьше нашего, со снесенными мачтами, и одинокого человека, в безучастной позе стоящего на палубе и мрачно наблюдающего за большой голубой акулой, медленно кружащей вокруг корабля. Колман купил эту картину, когда мы еще только обдумывали наше путешествие. Она поразила его воображение, и он повесил ее сначала у себя в комнате, а потом здесь, в каюте, в насмешку над морем.

Мне картина тоже нравилась, но не нравилось, что Колман смеется над морем. Я не раз видел море в гневе и знал, что с ним шутки плохи, но Уоли все же повесил картину да еще посмеялся над моим суеверием.

Вокруг обеих коек висели полки с книгами. В глаза бросалась пестрота библиотеки: несколько томов стихов, трактат или два по философии, несколько современных романов, с десяток биографий древних римлян (мое любимое чтение), еще несколько специально отобранных книг и несколько книжек менее серьезного содержания. Около камбуза в водонепроницаемом шкафу помещались грампластинки из наших личных коллекций: Вагнер, Григ, Пуччини и кумир Уоли – Сибелиус. Тут же стоял патефон, на котором, наверно, уже в восьмой раз со времени ужина крутилась пластинка с величественной «Финляндией».

Здесь, в тесном помещении, собрано все необходимое для того, чтобы обеспечить приятное существование и души и тела – сухие койки, теплая печка, табак, запасы продовольствия, лучшие образцы мировой музыки в грампластинках, хорошие книги. Впереди нас ждали приключения.

Но центром всего был лабораторный стол. Все судно, вся каюта подчинялись ему. Стол был сердцем судна, причиной его существования и единственным оправданием нашей экспедиции.

У каждого человека свои представления о любви и благоденствии, свои надежды на мир и безмятежную жизнь, на успех и на славу; у каждого своя мечта, которую он хранит в сердце и

пытается осуществить. Человеческие устремления столь же различны, сколь различны люди. У одних мечты рождаются из пустоты, у других – из суровой необходимости; да и сами мечты разные – яркие или туманные, живые или бесплотные. Но как бы там ни было, наш мир зиждется на фундаменте человеческих надежд и желаний. Наше судно сначала тоже было только фантазией.

Сколько я себя помню, я всегда мечтал о паруснике, легком, с высокими мачтами, с тугими парусами и стремительным белым корпусом. Многие мечтают о подобных вещах. Но мои мечты крепили с годами, питаемые непоседливостью, которая и поныне владеет мной и которую трудно объяснить даже самому себе. Есть мечты, возникающие внезапно и столь же внезапно исчезающие. Другие, более постоянные, растут медленно, набирают силу годами, как дети, обретают ясность и потом воплощаются в жизнь. Так было со мной. Смутные грезы о путешествиях сменились твердыми намерениями. Но для этого должно было произойти событие, благодаря которому моя мечта оформилась и стала осуществимой.

Все началось в удивительной маленькой республике Гаити, где я участвовал в биологических изысканиях, проводимых Американским музеем естественной истории. Еще до этого из-за финансовых затруднений и общественных обязанностей я, как и многие из нас, был вынужден заняться коммерцией и провел несколько лет в самом ее пекле. Мой старый друг Уоли Колман, вместе с которым мы мечтали обзавестись судном и пуститься в дальние странствия, ушел в медицину, и казалось, что надежды наши никогда не сбудутся. Но тут появилась возможность поехать на Гаити и провести для Американского музея исследования, которыми я интересовался уже несколько лет.

На Гаити я вдруг ясно осознал, что образ жизни, который я там веду, вполне меня устраивает. В качестве биолога-любителя я мог свободно предаваться своей страсти к посещению новых мест, поискам новых видов животных, изучению их особенностей; если мне хотелось (а мне это хотелось всегда) узнать, что скрывается в соседней долине, или за изгибом берега, или за горой, то возможностей к этому было хоть отбавляй. Подходила пора возвращаться домой, как вдруг меня заинтересовала проблема, для решения которой надо было изучить другие острова Вест-Индии, особенно те из них, которые безлюдны и редко посещаются.

Именно чары островов, спрятанных далеко за горизонтом, и сделали мечту явью. Острова эти лежат далеко-далеко, разбросанные в голубом просторе между Багамскими островами и пустынным побережьем Юкатана. На многие никогда не ступала нога естествоиспытателя, а если это и случалось, то едва ли он проводил там более нескольких часов. Мне же хотелось пробыть на островах столько, сколько потребуется, и изучить все особенности их животного мира. Загадка этих островов интересовала меня больше всего на свете, и естественно, что лучше всего ее можно было решить, снарядив специальную экспедицию. Тем самым осуществилась бы моя давнишняя мечта. А для успешной работы нужно, чтобы вам жилось покойно, чтобы ничто не отвлекало, больше того, нужна даже некоторая роскошь – свежая, чистая пища, а после тягот трудового дня – книги и музыка. Так почему бы не бросить дела и не пуститься к островам на собственном, специально снаряженном судне?

Конечно, для экспедиции требовались деньги. Хотя их отсутствие и смущало меня, дело было не только в этом. А две тысячи миль открытого океана между Штатами и Вест-Индией? А ураганы, а тайны навигации? И прежде всего, конечно, судно – как найти и снарядить его?

Но я загорелся идеей уже настолько, что послал письмо старому другу Уоли Колману. Как бы он посмотрел на такое путешествие? Я ждал ответа с нетерпением. Он не заставил себя ждать. «Я – за, – гласило письмо. – Когда отплываем?»

Я спешно закончил свои дела на Гаити и вернулся в Штаты.

В Америке все оказалось не так просто. Самой сложной проблемой было финансирование предприятия. Неделями и месяцами мы поджимались и экономили то на том, то на этом, пока не решили, что скопили достаточно. Затем надо было связаться с нужными людьми, окон-

чательно договориться с музеем. Предстояло бесконечное обсуждение научных задач экспедиции и методов работы. Ночи напролет мы просиживали за картами, намечая маршрут, и это напоминало нам о тех давно минувших днях, когда мы проделывали то же самое, но только в мечтах.

Различные практические соображения, в том числе финансовые, вскоре привели нас к выводу, что экспедиция должна быть небольшой. Аренда яхты и содержание команды были нам не по карману. С другой стороны, программа исследований предполагала, что нам придется заходить в бухты и гавани, недоступные для судов с большой осадкой. Значит, требовалось судно настолько малое, насколько позволял объем стоящих перед экспедицией задач.

В конце концов мы стали обладателями небольшого парусника и заручились поддержкой крупнейшего музея, не без страха думая о том, что затеяли. Но до самой экспедиции было еще далеко. Полтора года ушло только на то, чтобы достать судно. Мы не могли взять первое попавшееся: наш парусник должен был удовлетворять многим требованиям. Он должен был быть прочным, надежным и обладать хорошими мореходными качествами. В нем должны были быть удобные помещения для жилья и работы, место для запасов воды и продовольствия на длительный срок, чтобы иметь возможность свободно передвигаться. И наконец, нам нужно было судно, которым в любую погоду мог бы управлять один человек. Найти такое судно было не легко. Мы обрыскали все побережье, весь Чесапикский залив. Ничего подходящего: нам попадалось одно старье, узкие, ветхие лоханки, слишком большие или слишком маленькие, – словом, все что угодно, только не то, что нужно. Наши поиски закончились совершенно неожиданно. На небольшой верфи в Оксфорде, в штате Мэриленд, мы наткнулись как раз на то, что требовалось. «Продается ли парусник?» Нам ответили, что не продается, потому что у хозяина тоже есть свои планы, но нам могут построить такой же. Не прошло и месяца, как мы заключили контракт.

Оказалось, что мы выбрали знаменитую модель, – точнее говоря, один из самых знаменитых типов парусников всех времен. Нашему судну, за исключением каюты и оборудования, предстояло быть точной копией знаменитого «Спрея» капитана Джошуа Слокама, который, как известно, в конце 1890-х годов первый совершил кругосветное путешествие в одиночку. Этим он создал прецедент в истории мореплавания и с очевидностью доказал, что плавание в открытом океане на малых парусных судах не только возможно, но и безопасно. За это ему честь и хвала. Время показало, что, если бы и нам захотелось обойти вокруг света, мы не могли бы выбрать для этого лучшее судно.

Но это было только начало. Затем потянулись долгие месяцы ожидания, столь тягостного для людей, которым не терпится поскорее отправиться в путь; мы без конца составляли и перепроделывали планы будущей работы, обсуждали научную проблематику, вдаваясь в мельчайшие детали. Успех любой экспедиции, большой или малой, в особенности столь рискованной, как наша, в большой мере зависит от того, как она подготовлена. Мы будем целые дни, даже недели вдали от обитаемых мест. Впереди штормы и полосы безветрия, впереди неизведанные земли – все нужно предусмотреть, во всем придется полагаться только на себя. И самое главное – на нашем маленьком тридцативосьмифутовом суденышке мы должны собрать и доставить в сохранности все научные образцы, которые удастся раздобыть.

В жизни почти каждого человека бывают моменты, когда он останавливается в нерешительности и задумывается над тем, что ему предстоит. Случалось, пожалуй, что и у нас с Колманом тряслись поджилки. Нас не пугали лишения, которые предстояло испытать, – скитания, туризм, байдарочные походы закалили нас; но слишком велика была ответственность перед музеем, хранитель которого настолько поверил в нашу идею, что решил оказать нам максимальное содействие, доверив ценное оборудование. В случае провала предприятия это грозило ему уймой неприятностей. Мы горели желанием доказать, что наша необычная экспедиция действительно будет плодотворной. Необычной она была потому, что почти все морские

экспедиции совершаются на больших шхунах или яхтах, укомплектованных командой и целым штатом научных сотрудников. Но естествоиспытатели средней руки в большинстве случаев люди небогатые, и такого рода путешествия им не по карману. Мы хотели доказать, что два человека на небольшом судне могут с успехом отправиться в большое плавание и не только вернуться живыми и невредимыми при любых условиях, но и добиться серьезных научных результатов. Возможно ли это? Многие сомневались.

Однако наша мечта росла, как растет, скатываясь с горы, снежный ком. Мы упорно шли к цели и в захлестнувшем нас потоке забот забыли все сомнения. Сперва мы разместили оборудование так, чтобы оно всегда находилось под рукой. Затем продовольствие – запас на полтора года – как по волшебству исчезло в трюме, а ведь когда два грузовика с провизией появились в балтиморском доке, мы стояли и с сомнением покачивали головой. Мы просто не представляли себе, как разместить всю эту массу на тридцативосьмифутовом суденышке, половина которого занята под каюту и лабораторию. Но мы разместили не только это. За провизией последовали инструменты для сбора экспонатов, жестянки для консервирования, сетки, банки, этикетки для образцов и прочая утварь. Потом – ружья и ящики с патронами в количестве, достаточном для небольшого мятежа, пишущие машинки, фотоаппараты, пленка в водонепроницаемых коробках, банки с растворами и еще тысяча и одна вещь, необходимая в экспедиции. Все это было поглощено чревом нашего судна и рассовано по специально сооруженным шкафам и полкам таким образом, чтобы всегда находиться под рукой.

Пролетело лето, потом ранняя осень, наступил ноябрь; день отплытия на носу. Мы с гордостью взирали на парусник. Мы не пожалели трудов, чтобы он стал воплощением нашей мечты. И мечта превратилась в реальность, приняв формы стройных мачт, тугих парусов и мощного корпуса. Теперь мы бы не поменялись местами с самым богатым банкиром Уолл-стрит.

Не было ни фанфар, ни барабанного боя, когда наш парусник покидал Балтимор. Никем не замеченный, кроме разве кучки портовых бездельников, он тихо отошел от причала и заскользил по течению, миновал грязные пирсы Балтимора, громадные верфи и в клубящихся облаках дыма взял курс в открытое море. Неясные очертания высоких домов постепенно сливались и наконец вовсе исчезли из вида. С севера потянул свежий ветер, наполнил паруса, и нос корабля весело врезался в воду. Струи воды из-под киля ударились о руль, и штурвал мелко задрожал. Наконец-то наш парусник плывет. Пусть он невелик, зато над головой у нас белые паруса, а впереди – Вест-Индия!

Не успели мы выйти из балтиморского порта, не успел стихнуть печальный звон колоколов на бакенах у входа в гавань, как дымка со стороны берега стала густеть, опускаться все ниже и ниже, пока все вокруг не затянула белая влажная пелена, целиком скрывающая от нас берег. Ветер затих. Проходил час за часом, а мы то стояли без движения, то медленно тащились по заливу, руководствуясь только компасом. Отовсюду доносились хриплые гудки невидимых пароходов, пробирающихся в порт, и приглушенный звон колоколов тех, что стояли на месте, выжидая, пока рассеется туман.

Только раз из тумана вырос черный, засиженный чайками буй. Какое-то мгновение он высился над фальшбортом, затем снова исчез. По надписи на нем мы уточнили курс и с тех пор в продолжение пяти дней не видели ничего, кроме неподвижной воды за бортом да непроглядной, клубящейся мглы.

Спустившись в каюту, мы поговорили немного, выкурили по трубке и легли спать. Около полуночи я проснулся. Мне показалось, что что-то неладно. Колман тоже не спал. Снаружи доносился плеск волн о корпус, но звук был какой-то странный. В одних пижамах мы вышли на палубу. Кругом темно, только тусклый штаговый фонарь немного разгонял темноту. Туман рассеялся, но мрак стоял такой, что в десяти шагах ничего нельзя было разглядеть. Мы заметили, что, хотя тумана и нет, звезд не видно. Подошли к якорной цепи. Она висела отвесно. Мы

вытянули ее на фут, два, три – дальше обрыв. Она лопнула у самой ватерлинии – нас носило по заливу.

И тут начался шторм. Сначала из темноты налетел пронизывающий холодный ветер, но шквал вскоре стих и сменился полным штилем. Пошел дождь, капли забулькали, ударяясь о воду. Мы спешно взяли три рифа. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы нас снесло через залив к берегу. Это означало бы крушение всей экспедиции. Мы еще возились с парусами, когда снова налетел шквал; резкий, холодный ветер промчался над водой, разбивая тучи брызг о корпус судна. Захлопала мокрая парусина, заскрежетали блоки, воздух запел в тугих снастях. Парусник накренился и, как испуганный зверь, рванулся в темноту.

Передо мной в слабом свете штагового фонаря (ходовые огни – красный и зеленый – мы еще не поставили) мелькнул Колман – мокрый, в мокрой пижаме, цепляющийся за шкоты кливера. И тут разверзся ад крошечный. Взять рифы на бизани мы не успели, ее сорвало почти целиком, и она держалась только за один угол, хлопая и гремя так, как может греметь и хлопать во время шторма мокрый парус. Казалось, что бизань-мачта и рангоут вот-вот будут снесены. Поставив судно против ветра, мы ринулись на корму. Парус хлестнул Колмана по плечам. Он растянулся на скользкой палубе, но встал и снова бросился к нему. Это было все равно, что бороться в темноте с разъяренным быком. Жесткая шкаторина била, хлестала, молотила по телу, по рукам, по ногам. Мы попытались накинуть линь на мечущуюся бизань, и это нам почти удалось, но новый свирепый порыв ветра вырвал его из наших рук. Колман опять мелькнул передо мной уже без пижамы, только на бедрах болтались остатки брюк. По его голому телу струилась вода, волосы мокрыми прядями прилипли ко лбу. Несмотря на страшный холод, пот катил с нас градом. Пальцы были разбиты в кровь гафелем, на котором продолжал неистово трепыхаться парус. Наконец мы накинули на него линь и стали умирять его, притягивая сантиметр за сантиметром, пока наконец не привязали.

Мы ослабили натянутые как струны шкоты, с минуту отдохнули и повернули парусник навстречу шторму. Положение было отчаянное. Позади, быть может, совсем рядом, – не защищенный от ветра берег, а впереди – лабиринт мелей. Только бы заметить маяк. Ища укрытия, мы шли навстречу ветру. Вот наконец и маяк – это остров Шарпа, возле устья реки Чоптанк. Мы повернули туда.

С каждой минутой шторм усиливался, и постепенно мы оказались в самом центре ревущего пенного ада. Если Чесапикский залив ведет себя так, чего же ждать от океана? Не дай бог, если мы и там попадем в такую же переделку. Мы боролись с ветром всю ночь и едва удерживались на месте; наконец тусклый луч пробился из-за облаков и осветил устье реки. Мы тщетно пытались войти в него. Нас снова и снова отбрасывало назад, но мы делали все новые попытки. День стал клониться к вечеру, а шторм продолжал усиливаться. Отчаявшись, мы решили капитулировать, пока было еще светло.

Бросили якорь около самого берега. Остров, находившийся в нескольких милях, защищал нас от ветра. Мы надеялись, что запасной якорь выдержит. Мы оставались на месте три дня, выжидая, пока кончится шторм, и нам многое пришлось претерпеть, прежде чем удалось выйти в открытый океан.

Если мы когда-либо могли усомниться, что достигнем Вест-Индии, то для сомнений наступил самый подходящий момент. И все же мы не сомневались. Мы выдержали шторм, и это придавало нам духу. Однако штормом лишь открывался целый ряд постигших нас неудач. До океана еще добрая сотня миль – половина Чесапикского залива. В Оксфорде нам предстояло заново покрыть днище медной краской. Но оказалось, что все против нас. Когда мы пришли в Оксфорд, выяснилось, что шторм отогнал воду от берегов, и она стояла так низко, что подойти к стапелям было невозможно. Пока мы ожидали подъема воды, разразился новый шторм – на этот раз он налетел с северо-запада – и отогнал воду еще дальше. Мы долго не могли получить и заказанный нами новый якорь с цепью, хотя стихии тут были как будто ни при чем.

Подошла середина ноября, а мы еще не были готовы к плаванию.

Но рано или поздно всему приходит конец, и вот наступил день, когда наш парусник, приведенный в полный порядок, соскользнул со стапелей в тихие воды реки Тред-Авон. Мы назвали его «Василиск»², по имени тропической ящерицы из Центральной Америки, которая, как клоп-водомерка, может бегать по поверхности воды. Мы надеялись, что «Василиск» так же, как и его предшественник «Спрей», впишет свое имя в историю мореходства. В этот день в наше чувство гордости не вкрадывалось ни тени сомнения. Солнце ярко светило, все вокруг дышало жизнью. Ласковый ветерок наполнил паруса и погнал парусник по заливу. Мы миновали флотилию лодок, и ловцы устриц приветствовали нас, потому что все на побережье уже знали о нашем предприятии. Казалось, злключения остались позади. Но так только казалось. Вечером, когда солнце село в оранжево-багровом зареве, спустился густой туман и погрузил нас в белую непроглядную мглу. Снова по заливу разнесся печальный звон судовых колоколов. Прошел день, другой, а туман по-прежнему застилал все вокруг, заглушая даже возню уток, плескавшихся где-то поблизости.

Мы все же пытались продвигаться вперед, ловя вялое дуновение ветра каждым дюймо́м паруса. Нами овладело уныние; бесконечные отсрочки и задержки нагоняли тоску.

Минула ночь, другая, туман все не рассеивался. Однажды мы прошли мимо большого судна. Сначала донесся звон склянок, затем оно и само возникло из тумана и через мгновение снова растворилось в нем. С далекого берега прилетела полосатая сова³, она села на верхушку мачты и поужинала зуйком-кильдиром⁴. Все вокруг нас словно оцепенело, и только прозрачная медуза толчками проплыла около самого борта. Когда же наконец рассеется туман?..

Когда он рассеялся, перед нами открылся безбрежный сверкающий океан, и мы почувствовали, как мягко качают судно длинные валы, бегущие из открытого моря через проход между двумя мысами, на которых виднелись маяки-близнецы.

Когда мы достигли Хэмптона (в штате Виргиния), расположенного на побережье океана, нас буквально затопил поток писем от людей, желавших принять участие в нашей экспедиции.

Слухи о ней дошли до прессы, и, пока мы пробивались сквозь ноябрьский туман, газеты разнесли весть по всей стране. Отовсюду – из маленьких портов на Атлантическом побережье, с голубых Аппалачей, из прерий Среднего Запада – приходили письма, напечатанные на машинке, неразборчиво нацарапанные, написанные каллиграфическим почерком, – все про- сили об одном: возьмите нас с собой! Возьмите нас с собой! Мы согласны работать задаром, драить палубу, делать все что угодно – только возьмите. Так велики чары далеких островов, морских странствий, белых парусов! Некоторые из этих писем были весьма красноречивы, так хотелось людям уплыть.

² Василиском античные натуралисты называли фантастическое чудовище – повелителя змеиного царства. По мнению Плиния, это обычная змея, но рожденная с золотой короной на голове. Зоологи Нового времени назвали василиском очень странную на вид и интересную ящерицу тропической Америки – *Basiliscus americanus*. Это крупная ящерица, длиной до 80 сантиметров. Ее голову украшает высокий кожистый гребень, который животное может раздувать. Днем василиск обычно прячется в ветвях деревьев, свисающих над водой. Спасаясь от опасности, он нередко прыгает в воду и, загребая лапами, быстро плавает. Василиск может бегать на задних ногах: его длинные пальцы окаймлены роговой бахромой, которая удерживает ящерицу в вертикальном положении, даже когда она бежит по поверхности воды, словно клоп-водомерка.

³ Полосатая сова (*Strix varia*) – близкий родич наших несятей, обитает в сырых лесах Канады, США (за исключением западных штатов) и Мексики. Отличается от других североамериканских сов своеобразной окраской: на горле и груди темная штриховка идет поперек тела, а на брюхе – вдоль. Часто охотится и днем, особенно в туман. Питается мышами и мелкими птицами. Гнездится в дуплах или в брошенных гнездах хищных птиц, ворон и белок.

⁴ Кильдир – североамериканский зуек (*Charadrius vociferus*), бурый сверху, беловатый снизу, с двумя черными полосами на груди и ржаво-рыжим надхвостьем. Распространен по всей Северной Америке до Большого Невольничьего озера на севере Канады. Встречается на Кубе и Багамских островах. Крик его можно передать звуками «киль-ди, киль-ди» – отсюда и пошло название кильдир. Питается насекомыми, червями и мелкими моллюсками.

Разумеется, мы ничем не могли помочь этим людям. Чтобы взять хотя бы часть их, понадобился бы целый пароход. Но мы сочувствовали им – тем, кому не суждено вырваться из рутины повседневных забот.

Теперь, когда мы стояли у выхода в океан, нам особенно не терпелось отправиться в путь. Ведь чем позже мы тронемся, тем больше вероятность того, что нам придется плыть при плохой погоде. Что нас ждет впереди?

Мы, два горожанина, выходим в открытый океан на небольшом паруснике. Для начала нам надо покрыть минимум восемьсот миль без захода в порт. Конечно, это не бог весть какой подвиг. Капитан Слокам на таком же судне в одиночку обошел вокруг света. Но Слокам был моряком с многолетним опытом, а мы – любители в полном смысле этого слова.

Правда, мне и раньше приходилось плавать в море, но отнюдь не в качестве моряка. Колман же и в глаза не видал океана. Кроме того, нам предстояла немалая научная работа. Чтобы обследовать все намеченные по программе острова, нужно было проделать путь в десять тысяч миль. А карты этих мест не слишком подробны. Дело осложнялось еще и тем, что приближалась зима. По утрам палуба покрывалась наледью, становилась скользкой. Мы с нетерпением следили за сообщениями о погоде – нам было нужно ясное небо и северо-западный ветер. Наконец пришел прогноз – ветер умеренный, ясно.

В море

Мы живем в кирпичных ущельях больших городов или на тихих лужайках ферм и, усыпленные размеренностью нашего существования, забываем о том, что существует море, что в двух шагах от нашего Манхэттена, Филадельфии или Бостона раскинулись бескрайние просторы вод, бурные, безлюдные, необъятные равнины. В своем самодовольстве мы забываем, что именно море – самая существенная часть Земли, что оно оставалось неизменным на протяжении многих тысячелетий, меж тем как континенты появлялись и исчезали, поднимались из моря и снова тонули в нем.

Море – последний рубеж дикой природы. Здесь в непрерывной смене настроений она выступает перед нами во всей широте своих страстей. Никакая солнечная лужайка с ее цветочками и порхающими мотыльками не может выглядеть более мирно, чем спокойное море. И ничто на земле не сравнится по своей энергии и мощи с морем в период пассатов. Темно-синие валы тяжело бегут по нему, на их вершинах пляшут и пенятся белые барашки.

А когда природа, словно задумавшись, посылает на море туман и тучи, краски сгущаются, и безбрежная равнина вод дышит печалью и унынием. Море может быть и свирепым, и тогда со всех четырех сторон света с ревом несется ураган, напоминая человеку, что место его – на суше. Разбушевавшийся океан – на Земле нет зрелища более величественного, более захватывающего: волны как горы громоздятся одна на другую, вода кипит и кружится пенными водоворотами. Только тот, кому довелось пережить большой шторм и принять вызов океана, – только тот может понять, что все это значит.

Мы забыли обо всем этом. Но стоило нам отойти от берега – и то, что дремало в нас, проснулось и овладело всем нашим существом. В бледной дымке зари мы подняли паруса, и мягкий ветерок, наполнив их, вынес нас на своих крыльях из Хэмптон-Роде. Утро было холодное и тихое, слышался только слабый плеск волн о корпус. Около Норфолка сквозь дымку мы различили словно застывшие очертания четырехмачтовой шхуны «Пернел Т. Уайт».

Ее паруса поднялись один за другим и туго натянулись под ветром. Она была прекрасна – с парусами, розовыми в лучах только что взошедшего солнца, и белым корпусом, отражающимся в зеленой воде. Кто бы мог подумать, что всего через восемь дней она превратится в беспомощную развалину, а спустя еще три года, заново отремонтированная, погибнет вместе со своим капитаном и всей командой у мыса Каролина.

Бок о бок мы отправились в путь – гордо высящаяся шхуна и крохотный иол. Наши мачты едва доходили до лееров на ее борту – так, во всяком случае, нам показалось, когда она величественно пронеслась мимо и направилась в сторону восходящего солнца. Мы наблюдали за ней с дружеским участием – ведь ее создали те же руки, которые с таким старанием строили наше суденышко.

В пятнадцати милях впереди лежали два мыса, едва различимые в дымке, – выход в океан. Позади остались Тимбл-Шол, Уиллоуби, но затем обещанный северо-западный ветер стих, и мы задрейфовали. Начался прилив, и нас понесло обратно. Казалось, нам вообще не суждено выбраться из Чесапикского залива. Но когда наше раздражение достигло предела, провидению, по всей видимости, надоело водить нас за нос, и, смягчившись, оно послало нам на подмогу судно береговой охраны. Заметив, как нас относит приливом обратно к берегу, капитан подошел к нам, чтобы узнать, куда мы держим путь. Мы ответили, что направляемся к острову Сан-Сальвадор. После этого капитан произнес что-то вроде «Вот так так!», дал задний ход и приказал матросу бросить конец, а нам – его закрепить. Еще не понимая, в чем дело, мы подчинились и минутой позже обнаружили, что со скоростью восьми узлов летим в открытое море. Вскоре мы миновали черно-белый маяк на мысе Генри, обогнули кромку суши и вышли на простор океана. Нас, наверно, буксировали бы еще дальше, но конец оборвался. Несколько

человек поднялись к нам на борт, проверили бумаги и пожелали счастливого плавания. Затем, отсалютовав свистками и целым хором «до свидания», их судно ушло. Словно вняв нашим молитвам, подул ветер и понес парусник в просторы Атлантики.

Что было начиная с этого момента и до трех часов ночи, я плохо помню. Большинство событий за этот промежуток времени просто выпало из моей памяти, и их удалось восстановить только по рассказам и записям Колмана.

Кажется, после того как береговая охрана ушла, мы взяли курс на ост-зюйд-ост, в открытый океан, чтобы подальше уйти от земли на тот случай, если ветер переменится. Берег постепенно исчезал и скоро совсем скрылся из виду. Солнце садилось в тяжелых тучах, темной массой громоздившихся на горизонте. Но северо-западный ветер дул с прежней силой, а больше нам ничего не было нужно. Наступила ночь, зажглись звезды – на суше я никогда не видел таких ясных звезд. Они были повсюду, кроме той части неба, которая тонула в совершенно беспросветном сумраке, если не считать слабых отблесков далекого маяка. Мы несли вахту по очереди – пока один находился на палубе, другой спал в каюте. Прошла первая вахта, вторая – и все это время мрак распространялся по небу, скрадывая одну звезду за другой, заслоняя Млечный Путь, покрывая зенит своим темным покрывалом. К началу третьей вахты весь небосклон пропал во тьме, и мы остались лишь при ходовых огнях да слабом огоньке нактоуза. Вокруг простиралась сплошная чернота, которая казалась живой благодаря мириадам разнообразнейших звуков, доносившихся с поверхности воды.

Хотя было холодно и дул резкий ветер, на океане словно лежала какая-то гнетущая тяжесть, и ощущение тяжести увеличилось еще больше, когда к концу третьей вахты ветер спал и переменял направление. Тем не менее нас это нисколько не встревожило, и мы спокойно продолжали путь. На вахте стоял Колман. Когда ветер переменялся, он изменил положение руля и угол постановки парусов. Это было около двух часов ночи. В три он спустился в каюту и растолкал меня.

– Выйди на палубу, – сказал он, – похоже, надвигается шторм.

И действительно, даже в каюте можно было расслышать, что в хоре звуков, доносящихся с воды, появился новый, беспокойный тенор, перекрывавший шепот волн.

Мы взглянули на барометр – он стоял очень низко. Я никогда не видел, чтобы барометр стоял так низко. Торопливо натянув плащи и куртки, мы вышли на палубу. Со стороны моря бежали ровные, большие валы, слишком большие для ветра, который сейчас дул. Мы знали, что это означает.

Я стал у штурвала рядом с Колманом.

– Пожалуй, нужно убрать часть парусов, – пробормотал я. – Пока не поздно.

Больше я ничего не успел сказать – случайная волна, вырвавшись из темноты, подхватила корму, подняла ее высоко над водой и, пройдя к носу, бросила суденышко набок.

Когда корма поднялась, громадный грот и тяжелый гик с тошнотворным треском перекинулись на середину. Сотни фунтов холста, дерева и железа, брошенные сильным ветром, обрушились прямо на меня, и, потеряв сознание, я повис на леерах.

Сколько я лежал, не знаю. Колман ошупью нашел мое неподвижное тело, перетащил к штурвалу и сел там, одной ногой придерживая меня, чтобы я не свалился за борт. Потом с моря пришел стонущий звук, нараставший с каждым мгновением. Этот дикий хор раздираемых ветром волн невозможно описать словами; только тот, кто сам слышал его, может представить себе, что это такое. Началось то, чего мы больше всего боялись.

Принеся с собой волну холодного воздуха, разразился шторм. Наше крохотное суденышко с неубранными парусами накренилось под порывом ветра, накренилось так, что иллюминаторы ушли под воду, и казалось, мы вот-вот перевернемся. Среди хлопьев пены и бурлящей воды, удерживая мое тело, Колман пытался убавить паруса; он повернул штурвал и развернул судно против волн. Самое поразительное при этом было то, что наши паруса не

порвало. Они уцелели просто чудом. Еще в Чесапикском заливе ловцы устриц и яхтсмены смеялись над нашим тяжелым такелажом и парусами, говоря, что они впору трехмачтовой шхуне. Но наша осторожность оказалась совсем не лишней. Она спасла нас той ночью и не раз спасала впоследствии.

Прошло целых полчаса, прежде чем я очнулся. Сначала я очень смутно сознавал, что происходит, но по мере того, как холодные волны одна за другой перекашивались через меня и стекали по желобам, сознание прояснялось. Голова мучительно болела. Я страшно замерз – я лежал промокший до последней нитки на ледящем ветру.

Смутно помню ногу Колмана, прижатую к моему боку, давление ее то ослабевает, то усиливается – он занят штурвалом. Я пытался вспомнить, что со мною случилось, но не смог, не могу и по сей день. Я встал на колени, снова упал, потом, преодолевая боль, с трудом сел. Мне казалось, словно у меня сорвало с костей мышцы шеи и плеч. Прошло еще десять минут, прежде чем я полностью пришел в себя. И тогда только, несмотря на ужасную боль, до меня стало доходить, насколько серьезно наше положение.

Необходимо было убавить паруса.

Увидев, что я уже сам могу о себе позаботиться, Колман поставил судно по ветру, чтобы убавить паруса. Брать рифы в хорошую погоду – дело несложное и на таком маленьком паруснике, как наш, занимает не больше пятнадцати-двадцати минут; но в разгар шторма, когда судно швыряет и по всей палубе прокатываются волны, это нелегкая работа. Вдобавок хлопанье парусов отдавалось у меня в голове буквально взрывами боли.

Труднее всего было убрать грот. Это потребовало от нас обоих предельного напряжения. Все дело было в ветре – он натягивал парус со страшной силой. Лишь используя промежутки между шквалами, когда натяжение паруса ослабевало, нам удалось подтянуть его и убрать.

Паруса мы спасли. Главная опасность миновала. Мы до того измучились, что бессильно опустили прямо на палубу, чтобы перевести дух. Наши пальцы и ладони были ободраны.

Даже теперь, когда паруса были зарифлены, опасность еще не миновала. Нужно было уходить дальше в море, потому что ветер дул с северо-востока, а мы были от берега не более чем в сорока милях. Сорок миль – совсем не много при таком свирепом ветре; нас может выбросить на берег за считанные часы. Нам очень хотелось лечь в дрейф, но это было рискованно, и мы продолжали уходить во тьме в открытое море.

Прошла ночь, наступило утро, но шторм не утихал. Наоборот, он все усиливался, тучи неслись над самой водой. В проблесках занимающегося дня мы заметили, что океан уже не зеленый, а индиговый, тускло-синяя вода проглядывала между ключьями пены. По-видимому, мы вошли в Гольфстрим. Словно в подтверждение этого, желтая прядь саргассовых водорослей⁵ проплыла мимо и скрылась. Это нас обрадовало. Теперь можно было лечь в дрейф. Мы промокли и замерзли, пальцы ооченели от холода, отдых был необходим.

⁵ Саргассы – желто-бурые небольшие водоросли, растущие у берегов тропических и субтропических стран. На ветвях саргассов развиваются воздухоносные камеры, которые, как поплавки, поддерживают их в воде в вертикальном положении. Эти поплавки видом своим напоминают мелкий виноград, по-португальски саргасо, откуда и пошло название водорослей. Часто плавучесть воздухоносных пузырьков превышает силу «прилипания» к камню корней водоросли – ризоидов, и растение всплывает. Океанские течения, например Гольфстрим, несут миллионы тонн саргассовых водорослей, которые даже размножаются отводками во время своего тысячемильного дрейфа. Когда каравеллы Колумба в 1492 году приближались к Америке, моряки были напуганы бесчисленным множеством плавающих водорослей: испанцы решили, что где-то поблизости находятся подводные рифы. Но до рифов было еще очень далеко. Это морские течения принесли сюда, на северо-запад Атлантики, бурую «траву». Испанцы назвали это место Травянистым, а позднее Саргассовым морем. Саргассово море, прозванное также «Морем без берегов», располагается гигантским овалом длиной в пять и шириной в две тысячи километров, между 23 и 35° северной широты, 30 и 68° западной долготы. Глубина Саргассова моря – две-шесть тысяч метров. Окаймляют его океанские течения: с юга – Северозкваториальное, с запада и севера – Гольфстрим, а с востока – Канарское течение. В центре вода совершенно неподвижна и удивительно прозрачна. Над морем всегда ясное небо, погода здесь обычно штилевая. А в лазурных волнах плавают бесчисленные «кустики» саргассов: на каждом квадратном километре по 10–20 тысяч, то есть одна-две тонны. Всего плавает приблизительно 12–15 миллионов тонн саргассовых водорослей.

С наступлением дня ветер еще усилился, хотя и казалось, что это невозможно. Он внезапно переменял направление и подул с севера. Колман, чтобы не упасть за борт, схватился за леер. Неожиданный порыв ветра стер с поверхности воды лоскуты пены. Палуба накренилась так, что на ней невозможно стало стоять, и мы упали на колени. Конвульсивная дрожь потрясла весь корпус от руля до бушприта, подветренная сторона палубы ушла в воду, и судно рванулось вперед.

Но это было только начало. В первые мгновения мы едва могли видеть нос судна, так густа была пена. Грохот стоял оглушительный. Море стонало: ничего подобного нам слышать не приходилось. Это был вопль терзаемой ветром воды и низкий рев огромных валов. Его могут слышать лишь люди, плавающие на небольших судах, палуба которых возвышается над водой не более чем на фут. Эта неопишуемая какофония слышна лишь у самой поверхности воды, и те, кто путешествует на больших пароходах, не имеют о ней ни малейшего представления.

С тех пор прошло десять лет, городская жизнь изгладила из памяти многие подробности, но этот шум до сих пор стоит у нас в ушах. Я бы сказал, самый страшный момент во время шторма – это когда сквозь туман начинаешь различать контуры набегающей волны. Волна утончается сверху, загибается и с яростным ревом сметает все на своем пути. Глухой, угрюмый и мощный рев. Вместе с ним раздается низкий тоскливый свист в снастях, то нарастающий, то падающий со скоростью урагана. С этим свистом может сравниться только лишь вой бурана под стрехой крыши. Само судно тоже полно звуков – громко скрипит дерево, стонут мачты и рангоут, поют натянутые снасти, а из-под палубы, где болтается в трюме незакрепленный груз, доносится стук и грохот.

Этот порыв ветра едва не прикончил нас. Но «Василиск» выдержал и остался невредим. Мы с Колманом ослабели от холода и усталости. Наверху оставаться было невозможно: громадные волны, перекатывавшиеся через палубу, грозили в любую минуту смыть нас за борт. Но мы были подготовлены к такой ситуации и освободили плавучий якорь, укрепленный на крыше каюты; привязав его к толстому тросу, мы выбросили якорь за борт с носа. Судно несло кормой вперед, и большой парусиновый конус быстро наполнялся водой по мере того, как нас сносило ветром. Трос натянулся, и судно повернулось носом к ветру. Теперь мы могли сойти в каюту и предоставить шторму бесноваться сколько угодно.

Наверху делать было больше нечего. Ветер настолько усилился, что держаться на ногах на палубе стало совершенно невозможно. Мы открыли люк, быстро скользнули вниз и захлопнули его, прежде чем набежала новая волна.

Во что превратилась наша удобная каюта! В ней царил кавардак. Большая часть груза, который мы так старательно прятали и упаковывали, была разметана. Котелки и сковородки, бочонок с картофелем, конфорки от камбуза, блокноты, карты и жестяные банки навалом лежали на полу. При каждом крене они перекатывались из одного конца каюты в другой, на мгновение замирали на месте и снова неслись обратно. И так без конца – в грохоте, звоне стекла и тупом стуке металла. Не могу понять, каким образом всей этой уйме вещей удалось вырваться из заколоченных ящиков. Но факт остается фактом – они вырвались.

Сам камбуз доставил нам немало неприятностей. Его железные дверцы хлопали с таким грохотом, какой может устроить разве что бригада клепальщиков на сверхурочной работе. Вода лилась через трубу и растекалась по каюте. Пришлось снова прогуляться на палубу с парусиной и веревками. Мы попытались водворить на место хотя бы часть валявшихся вещей, но безуспешно. Пока мы ловили и закрепляли один предмет, срывался другой. Конфорки, которые мы положили на место, выскочили при первом же сильном крене, а мы сами покатались в дальний угол каюты и столкнулись друг с другом. Удержаться на ногах было невозможно. Лучше всего было уцепиться за что-нибудь и ждать временного затишья. А еще лучше ползать. Но даже и тогда нас бросало от одной переборки к другой и обратно. В конце концов мы сдались и решили оставить все как есть.

Наши койки были сделаны из холста, натянутого на металлическую раму. В промежутках между волнами, стоя на коленях, мы ослабили холст, чтобы он провис, и влезли в образовавшиеся кошельки. Иначе на койке нельзя было лежать. Но даже и теперь приходилось все время держаться за края, чтобы не очутиться на полу. Спать мы не могли, задремать и то было трудно. Монотонной чередой проходили часы. Время от времени сквозь вой ветра мы слышали, как что-то рвется и раскалывается наверху. Снова и снова на палубу обрушивались громадные волны. Через иллюминаторы мы видели, как они приближаются. Слава богу, у нас стояли настоящие парходные иллюминаторы из стекла в два сантиметра толщиной, а не из того хрупкого, которое бывает на маленьких судах. Мы видели, как зарывается нос, как волна громоздится все выше и выше, как ее гребень загибается и обрушивается на палубу темно-синей мешаниной воды и пены. Когда волна накрывала судно, казалось, будто мы налетали на каменную стену. Как только железо и дерево выдерживали такие удары – уму непостижимо! Когда масса воды перекачивалась через палубу, в каюте темнело и иллюминаторы становились зелеными светящимися проемами, в которых плясали сотни пузырьков. Потом судно, вздрагивая, выпрямлялось и сбрасывало с палубы воду и пену.

Примерно в два часа с глухим треском лопнул трос плавучего якоря. Наш парусник мгновенно развернулся бортом к ветру, и на палубу обрушилась чудовищная волна.

Я полетел с койки через всю каюту прямо на Колмана. При обратном крене мы оба очутились на полу. С трудом нам удалось подняться на ноги, и, как только волна схлынула, мы выскочили на палубу, быстро захлопнув за собой люк.

Нашим глазам предстала картина ужасающего опустошения. Ватер-бакштаги с одной стороны оторвались, перты болтались как попало. Часть дубовых поручней разлетелась в щепы. Два бочонка с пресной водой, привязанные к деревянным подставкам, разбились вдребезги; якорная цепь, вместо того чтобы лежать свернутой в бухту, свисала за борт. Весила она добрую тонну, и, выбирая ее, мы чуть не надорвались. Мы отклепали цепь от якоря еще до ухода из Хэмптон-Роде, и теперь никак не могли накрутить ее обратно брашпилем.

Пока мы укрощали цепь, судно развернулось и, несмотря на то что паруса были убраны, понеслось по ветру. Это не сулило ничего доброго. Где-то недалеко на западе, среди мелей и ревущих бурунов лежал мыс Гаттерас. Поэтому нам не оставалось ничего иного, как поставить паруса и повернуть против ветра. Взяв четыре рифа, мы снова пошли навстречу шторму.

Начало темнеть. За все это время мы ничего не ели и даже ни разу не вспомнили о пище. Колман слазил в трюм и принес банку мясных консервов, которые мы проглотили, даже не разогрев.

Описывая свое кругосветное плавание на «Спрее», капитан Джошуа Слокам утверждает, что на протяжении сотен миль он не прикасался к штурвалу и судно само держало курс столь же точно, как если бы им управлял человек, – при условии, конечно, что ветер не менял направления. Для этого нужно было установить руль и паруса таким образом, чтобы добиться абсолютного равновесия всех сил, действующих на судно. Правдивость этого рассказа не раз подвергалась сомнениям, и совершенно напрасно. Этой особенности парусного судна мы обязаны жизнью.

В тот вечер, измученные и продрогшие до мозга костей, не имея сил оставаться на палубе, мы закрепили руль и паруса так, как это делал капитан Слокам, и сквозь беснующийся шторм наш парусник прямо, как стрела, направился к центру океана.

Его трепал самый свирепый за 1929–1930 годы зимний шторм, и тем не менее он шел всю ночь сам, никем не управляемый. За многие мили от нас большая шхуна «Пернел Т. Уайт», вместе с которой мы выходили в море, все еще продолжала безнадежную борьбу с ураганом. На юге и на севере, по всему безбрежному Атлантическому океану суда слали сигналы бедствия или тащились в порт со снесенными надстройками и развороченными палубами. А мы, словно живое свидетельство того, что старый капитан не лгал, продолжали идти вперед, наперекор

огромным волнам, то взлетая на их гребни, то проваливаясь в глубокие долины между ними. Да, «Василиск» был стойкое суденышко. Побольше бы таких, как он!

Так прошел второй день шторма, третий, и, когда в сером сумраке занялся четвертый, мы уже не верили, что доживем до вечера. Мы до того измучились, что едва могли ползать из каюты на палубу и обратно. Работа со шкотами требовала таких усилий, что каждый раз приходилось минут пятнадцать-двадцать лежать на палубе, чтобы отдышаться. Ветер не ослабевал ни на мгновение, на волны было просто страшно смотреть. Они громоздились все выше и выше, казалось, они хотят достать до неба. Мы чувствовали себя ничтожными и беспомощными. Одна из волн сломала верхушку мачты. Мачта в двенадцать метров восемнадцать сантиметров, а волна поднялась на целый метр выше ее! Колман в это время был внизу, а я стоял у штурвала и видел, как это произошло. Громадная стена воды выросла перед судном, выросла так внезапно, что казалось, была выброшена из глубины. За какую-то долю секунды я разглядел, как просвечивает ее верхушка, разглядел пряди саргассовых водорослей высоко над головой. Потом с оглушительным грохотом волна обрушилась вниз. Она ударила по палубе, отбросила меня на кормовые леера и погребла судно под тоннами воды. Помню только, как я, захлебываясь, пытался встать на ноги, а вода все лилась и лилась через корму.

Минуту спустя ошеломленный Колман осторожно приоткрыл люк. Он был похож на пьяного, на лице у него красовалась огромная ссадина. Когда налетела волна, он лежал на койке. Внезапно свет померк, и на палубу обрушилась гора воды. Через щели люка вода потоками хлынула в каюту. С минуту было темно, затем невероятный крен сбросил Колмана с койки. Он вылез на палубу в полной уверенности, что меня смыло за борт. Три таких вала обрушились на нас этой ночью, расшатывая рангоут и открывая новые пазы в палубе. Тогда-то мы и увидели, как картина «Гольфстрим» плавает в воде. В воде самого Гольфстрима! Настала очередь моря посмеяться над нами.

Хотя мы уже не рассчитывали пережить эту ночь, судно продолжало держаться и уходило все дальше и дальше в океан. Все это время у нас не было никаких ориентиров, и мы могли лишь приблизительно считать пройденный путь. Наконец мы решили, что уже можно повернуть по ветру. Как выразился Колман: «Если уж нам суждено отправиться к Господу Богу, то лучше лететь». Идти по ветру было легче, но и опаснее. Опасен был поворот фордевинд, и вдобавок мы рисковали, что волна ударит нам в корму. Но теперь нам было все равно. Только бы не идти против шторма. Много часов изнурительной гонки, и ни малейших признаков, что она когда-либо кончится. Мы направили «Василиск» прямо на юг, и тут начались самые потрясающие часы нашего путешествия.

Со скоростью экспресса мы мчались по волнам. Одна за другой оставались за кормой мили. Нам довелось увидеть одно из самых великолепных зрелищ, какие только случаются на море. Как-то раз, когда мы поднялись на гребень особенно высокого вала, перед носом парусника ударил большой дельфин. За ним выскочил еще один, потом еще один, и вскоре вода буквально кипела от них. Повсюду, насколько хватало глаз, из глубин океана, казавшихся доселе безжизненными, вырывались и выпрыгивали навстречу нам дельфины. Их были сотни. Гладкие черные тела их резво, без усилий взлетали над водой и столь же легко погружались в нее. Плотной массой дельфины собрались возле носа парусника, грациозные, быстрые, свободные. И как ни измучены мы были, мы не могли не любоваться ими. Исчезли они так же таинственно, как и появились, все разом, словно по сигналу, скрывшись в пучине и оставив после себя лишь легкую пену.

Дельфины вселили в нас бодрость, прогнали ощущение одиночества, вызванное усталостью. Ведь они были первыми живыми существами, которых мы увидели с тех пор, как покинули землю. В тот же день мы заметили двух качурок⁶, мелькнувших за завесой брызг,

⁶ Качурки – самые маленькие представители отряда трубконосых птиц, ближайšie родственники буревестников. Малая

и слышали их печальный, жалобный крик. Как им удавалось оставаться в живых среди этого водяного хаоса, в сотнях миль от берега, как они могли выдерживать шторм, от которого некуда было укрыться? Как бы там ни было, это им удавалось. Порхая на своих серповидных крыльях над самой поверхностью воды, они высматривают лакомые кусочки, которые дает им море, – крохотных рачков, рыбьих мальков и пелагическую икру. Шторм или штиль, ураган или полное безветрие – им все равно, этим храбрым птицам. Они не избалованы жизнью.

Шторм длился около полутора недель. Девять дней мучений и жалкого бессилия. Иногда мы думали, что следующая волна уж наверняка разнесет наше судно и мы пойдем ко дну. Мы набрали в трюм сотни галлонов воды. Доски пола плавали по каюте вместе с другими обломками дерева. Мы измучились и были по горло сыты штормом и морем. Мы не знали, где находимся. Солнца не было видно, и мы не могли ориентироваться. Хронометр остановился, не выдержав чудовищной болтанки. Однако начало теплеть. Уже не нужно было надевать пальто, выходя на палубу. Между прочим, последние дни мы избегали надевать на себя лишнюю одежду. В минуту опасности лучше не иметь на себе ничего лишнего. Мы отказались от обуви – босиком легче держаться на палубе. Наши руки представляли собой печальное зрелище: пальцы и ладони ободраны, покрыты волдырями, глубокими рубцами и мозолями, будто мы находимся в море не десять дней, а целую вечность. За десять дней мы пришли к первобытному состоянию. Где уж тут заниматься научными проблемами, – только бы остаться в живых.

Но однажды утром ветер спал, сквозь тучи проглянуло солнце, и природа снова улыбнулась. Мы наслаждались теплом, купаясь в золотом свете, струившемся с неба. Мы почти забыли, что такое солнце. Оно радовало нас безмерно. И хотя с севера все еще шли большие волны, они уже не швыряли парусник, а только плавно подымали его на своих гребнях, как бы говоря: «Не бойтесь, мы ничего вам не сделаем».

Перескакивая с гребня на гребень, появились летучие рыбы. Они тоже обрадовали нас. Приятно видеть живые существа, пусть даже это всего-навсего рыбы. С возродившейся надеждой мы принялись приводить судно в порядок – геркулесова работа. Осторожно, все еще не доверяя морю, открыли люк и принялись откачивать воду, галлон за галлоном возвращая ее морю. Но даже после того, как вся вода была выкачана, каюта оставалась совершенно сырой, до того сырой, что мы решили спать на палубе.

Человек быстро приспосабливается к новым условиям. Жизнь перестала быть для нас борьбой за существование, и наши мысли снова вернулись к задачам экспедиции. Где находится наше судно? Первоначально мы направлялись к острову Сан-Сальвадор (на котором в памятное утро 1492 года впервые высадился Христофор Колумб), собираясь выяснить там некоторые особенности фауны, а затем продолжить исследования на других островах. Насколько можно было судить, мы находились милях в восьмистах от побережья Флориды. Долготу без хронометра определить невозможно. С широтой дело обстояло лучше, хотя для того, чтобы достать секстант, пришлось взломать ящик стола, так как он разбух. Полуденные наблюдения дали широту Нассау. Решили по-прежнему идти на юг, пока не достигнем широты Сан-Сальвадора, а там, воспользовавшись господствующими пассатами, повернуть на запад.

Итак, мы плыли все дальше на юг. Шторм до того напугал нас, что на первых порах было даже боязно идти под полными парусами. Но яркое солнце рассеяло все наши опасения, и

качурка (*Hydrobates pelagicus*) размером с воробья, другие чуть больше – со стрижа. Длина тела большой северной качурки (*Oceanodroma leucorhoa*) 23 сантиметра. Полет качурок причудлив и неровен: они то взмывают в небо, то падают вниз, делая стремительные повороты и зигзаги, но чаще парят над волнами, едва не задевая их крыльями. Качурки отлично плавают. Большую часть года (когда не высидивают птенцов) проводят в океане, далеко от берегов. Отдыхают и даже спят на воде. И в тихую, и в бурную погоду ловят креветок, мелких медуз. Качурки прилетают к берегам только для гнездования. Роют здесь в земле норы и устраивают в них гнезда. Русское название качурок происходит от слова «окочуриться» – умереть. Прежде в Европе широко было распространено поверье, что качурки – это души погибших на море матросов. Английские моряки называют качурок птенцами Богоматери (*Mother Carey's chicken* или *Carey's chicken*, от латинского названия Божьей Матери, *Mater Cara* – Матерь Милостивая).

мы всецело доверились мягкому ветерку. Так прошло два дня, а земли по-прежнему не было видно. Однажды ранним утром, вскоре после восхода солнца, с запада прилетела желтоклювая тропическая птица. Покружив в небесной синеве, она повернула обратно. На следующее утро мы увидели фрегата⁷, он точно так же покружил над нами и улетел на запад. Значит, где-то там – земля. Но далеко ли до нее – неизвестно. Пересекли параллели островов Эле-Утра и Кет, а земли все не видно. Очевидно, нас снесло слишком далеко к востоку. В полдень мы установили, что находимся на широте 24°3, Сан-Сальвадор был точно на западе.

Только мы повернули в сторону заходящего солнца, как пассат, нарушая все законы, переменился и начал дуть прямо в лоб. Продвижение вперед стало затруднительным. Посоветовавшись, решили снова идти на юг, к острову Крукед-Айленд или острову Маягуана, а если пропустим их, то к группе островов Кайкос. Там мы смогли бы отдохнуть, привести в порядок судно, а затем, уже зная свои координаты, спокойно отправиться к Сан-Сальвадору. Все эти острова нам все равно придется исследовать, а в каком порядке – не так уж важно. Мы снова направились на юг. Земля все не показывалась. Ветер продолжал дуть с запада, подымая легкую, неопасную волну. Мы плыли час за часом, высматривая на горизонте зеленую полоску земли. Но вокруг не было видно ничего, кроме волн, белых барашков и желтых саргассовых водорослей. Колман несколько раз взбирался на мачту, но все напрасно: не видно ни Крукед-Айленда, ни Маягуаны. Оставалась надежда только на острова Кайкос. Снова определили свое местонахождение по солнцу и обнаружили, что находимся как раз на их широте. А кругом ничего, кроме воды. Вот уж никогда не думал, что на свете столько воды.

Разочарованные, мы занялись судном. Уж во всяком случае, мимо острова Эспаньола никак невозможно пройти. Мы увидим его на закате. Колман спустился вниз, а я стал проверять штуртросы, которые очень ослабли и требовали внимания. Солнце уже садилось, прячась за клубами оранжевых и красных облаков. Прежде чем стемнеет, мне хотелось привести руль в порядок. Я натягивал трос и поправлял его на штурвале, как вдруг, случайно подняв глаза, увидел вдали землю: маленькие бугорки суши, разбросанные по горизонту.

– Земля! – крикнул я Колману в каюту.

Он мигом выскочил и вскарабкался на мачту. Да, земля, настоящая твердая земля, вырисовывающаяся на фоне заката. Никогда не думал, что земля может так ласкать глаз своим видом! Широко улыбаясь, мы пожали друг другу руки. Колман сбегал вниз и принес карандаш и кусок размокшей бумаги, чтобы запечатлеть эту картину. Он сказал, что хотел бы навсегда запомнить эти радостные минуты. Что касается меня, то я не делал ничего, а просто стоял и смотрел. Наконец-то мы сможем отдохнуть и приняться за работу.

Но как мало мы знаем, что ждет нас впереди!

⁷ Фрегат (*Fregata minor*) принадлежит к отряду веслоногих птиц. Немногие пернатые так хорошо приспособлены к полету, как фрегат. У него сильные (в размахе больше двух метров) крылья и длинный вильчатый, как у ласточки, хвост. Кости фрегата наделены объемистыми воздушными полостями. Часами парят фрегаты над океаном, ни разу не взмахнув крыльями. Иногда они играют друг с другом, выписывая в небе изумительные пируэты и виражи. Но плавают плохо и никогда не ныряют. Пищу добывают обычно в воздухе: ловят летучих рыб. Если фрегат схватил рыбу неудобно, он подбрасывает ее вверх и ловко хватает на лету. Если опять поймал неудачно, подбрасывает еще раз. Часто фрегаты отнимают рыбу у других морских птиц, иногда даже хищных. Часами патрулируют фрегаты морские побережья, карауля возвращающихся с добычей птиц. Увидев с высоты спешащего к берегу баклана или чайку, фрегат быстро снижается и атакует противника, толкает его и бьет крыльями. Испуганная птица бросает добычу, а фрегат ловко подхватывает ее на лету. Если рыба уже съедена «рыболовом», фрегат будет толкать его до тех пор, пока он не отрыгнет проглоченную пищу, которая, не успев коснуться воды, попадает в глотку фрегата. Гнездятся фрегаты на тропических островах Тихого, Индийского и Атлантического океанов. С земли они подняться не могут, поэтому гнезда выют на отвесных скалах или на деревьях. Ветки для гнезд ломают на лету или вылавливают из моря. Название фрегат дано птице за ее стремительный полет в честь знаменитых когда-то быстроходных кораблей фрегатов.

Кораблекрушение

На исходе следующего дня мы медленно выбрались на низкий песчаный откос и, достигнув вершины, устало опустились на землю. Перед нами раскинулся пологий песчаный берег, на котором лежали уже заметно удлинившиеся тени. Внизу тихо вздыхал и шелестел прибой. В его волнах качалось множество необычных предметов, которые выносились водой на песок и оставались на берегу, когда вода уходила обратно. Кораблекрушение! Море разделалось с судном и возвращало его обломки земле. Куски дерева, обрывки веревок, размокшие книги, жестянки, инструменты, бутылки, коробки, картина «Гольфстрим», изображающая судно со снесенными мачтами и человека на палубе, угрюмо наблюдающего за акулой, которая ходит вокруг. Опять море посмеялось над нами! Конец путешествию.

Да, конец путешествию. За волнами, которые тихо плещут о берег, за бледно-зеленой водой лагуны сверкает белая полоса бурунов. Подвижная и пульсирующая, она неумолчно ревет, разбиваясь о коралловые рифы. Там, как раз посреди нее, лежит то, что осталось от нашего парусника. Его то приподнимает волною, то с громким треском бросает на рифы. Печальный конец для судна, выдержавшего суровый зимний шторм, от которого погибли большие суда с хорошо обученными командами.

Конец путешествию, крушение всех надежд. Мы никогда уже не поплывем в Вест-Индию. Обидно потерпеть крах в самый последний момент, преодолев тяжелый шторм и все муки холода и усталости. И не смешно ли, что сейчас дул и разбивал буруны о рифы тот самый пассат, который должен был доставить нас на Сан-Сальвадор? Теперь он нам уже ни к чему. Теперь он только может добить наше судно да пустить ко дну остатки имущества.

Но больше всего нас угнетало то, что мы разбились почти в штиль. Если бы мы разбились в шторм или при большой волне – это еще куда ни шло. Но море было спокойно, как мельничный пруд, когда Немезида поднялась к нам на борт. Оно было совершенно спокойно, если не считать небольшого волнения, шедшего с востока. Коварный океан! Ему не удалось одолеть нас с помощью ветра и волн, но он держал про запас еще один козырь, о котором нам следовало бы знать. Течение – тихо скользящее течение, которое, подымаясь из холодных глубин, незримо прокладывает себе путь к поверхности. Оно захватило нас врасплох. Это произошло в долгие холодные предутренние часы, – оно подхватило нас, совлекло с пути и втихомолку потащило к рифам. Потом, словно собрав остаток сил, волны швырнули парусник на камни. А море с последним торжествующим криком послало ветер, чтобы закрепить свою победу. Море победило.

В тот вечер, увидев землю, мы после первой радости почувствовали страшную усталость и крепко заснули. На закате ветер утих, оставив нас качаться на волнах успокаивавшегося океана. Впервые после шторма мы легли в каюте. Убрав паруса, мы уснули в полной уверенности, что утро застанет судно на том же самом месте. Утром мы подойдем к земле, выясним наше местоположение и отправимся в ближайший порт. А тем временем сильное течение несло нас на север, к тому месту, где оно огибало клочок суши. Нас несло все ближе и ближе к берегу, и с палубы можно было бы слышать рев прибоя. Но мы крепко спали внизу, измученные многодневным штормом.

С устрашающим треском парусник налетел на риф. Мы оба очутились на полу. Ошалевшие спросонок, пораженные доносящимся снаружи ревом, мы выскочили на палубу. И сразу же новый вал поднял судно и положил его набок. Колман схватился за поручни и устоял, а я через всю палубу, через бак, через кливер-шкоты, полетел прямо на борт. Какой-то миг, помнится, я летел по воздуху, перед глазами мелькнул бурун, и я бухнулся в воду. Прибой завертел меня и бросил в цепкие ветви коралла. Мгновение я лежал ошеломленный. В темноте возникли очертания следующего вала, черного на фоне звездного неба. Он надвигался все ближе,

рос, и верхушка его загибалась. Я с криком вырвался из цепких объятий кораллов и нырнул в сторону. В следующее мгновение волна подняла судно и бросила на риф, тот самый, где я только что находился. Немного – и от меня осталось бы мокрое место. Меня протащило еще несколько футов и швырнуло к носу парусника. Я схватился за цепь и вскарабкался на палубу.

У нас еще оставалась возможность спасти парусник. Если бы удалось спустить шлюпку с якорем и бросить его позади рифа, то, выбирая якорную цепь, можно было бы стащить судно с камней. Колман бросился в каюту за ножом. Обрезав найтовы первой шлюпки, мы перебросили ее через леера, но волна тут же слегка приподняла парусник и бросила его на шлюпку. Ее расплющило в лепешку. Такая же участь постигла и другую шлюпку.

Все было кончено. Мы сидели прочно. Каждый новый вал продвигал парусник на полметра вперед. Руль оторвало и унесло в лагуну за рифами, где он и затонул. Нам оставалось только спасать снаряжение. Поднялся ветер – ветер, которого мы так ждали. Теперь, если мы хотим вытащить что-либо на берег, надо спешить. Прежде всего – вода и провиант. Особенно вода. Мы знали, что некоторые из этих островов безводны – сухие клочки суши, на которых легко умереть от жажды. Быстро, насколько это было возможно на стоящей торчком палубе, мы обрезали найтовы, которыми были привязаны бочонки с водой, и бросили бочонки подальше в прибой. Потом спрыгнули за борт и, ранясь об острые кораллы, затащили бочонки в спокойную воду лагуны. Убедившись, что они не могут уплыть обратно в море и разбиться о камни, мы поспешили обратно на судно. Наши руки, ноги, тело сплошь были покрыты кровотокающими порезами. Взобравшись на парусник, мы ринулись в каюту. Ее затопило. В обшивке где-то была пробоина, и теперь вода быстро наполняла судно.

Доски пайола всплыли и носились взад и вперед, ударяясь в переборки с силой тарана. На каюту было страшно смотреть. Мы бросились спасать самое ценное. Я стал разламывать стол, отыскивая свой фотоаппарат. Он сопровождал меня в странствиях по Гаити, Южной Америке и Соединенным Штатам. Я предпочел бы лишиться пальца, чем фотоаппарата. Колман, ныряя, выудил из воды микроскоп и другие ценные вещи. Держа их высоко над головой, мы стали выбираться на палубу. Она наклонилась так, что ходить по ней было невозможно. Мы съехали в воду и двинулись к лагуне.

Затем – снова на парусник. На этот раз – за секстантом, кинокамерой, судовыми документами, инструментами для сбора образцов и книгами. Кое-что нам удалось спасти. Это была адская работа. Хуже всего было перебираться через риф, хотя плыть по лагуне было тоже нелегко. Когда мы вернулись на судно в третий раз, оно уже накренилось настолько, что можно было прямо подплыть к входу в каюту. Она представляла собою печальное зрелище. Наши ценные инструменты и снаряжение болтались в воде. Волны, хлеставшие в каюту через открытый ход, вырывали их прямо из рук и сносили к рифу. На многие метры вокруг белое песчаное дно усеяли блестящие жестянки, медяшки, бумага. Находиться в каюте стало опасно. Всплывшие доски, коробки и тяжелые ящики швыряло во все стороны при каждой новой волне. Судно то и дело накренилось с боку на бок. При этом все вещи неслись через каюту и ударялись в противоположный борт.

С Колманом едва не случилось несчастье. Он был один в каюте, пытаясь достать какой-то прибор, спрятанный на самом дне одного из ящиков. Он никак не мог его отыскать и, набрав воздуха, стал под водой на колени, чтобы удобнее было шарить руками. В это время парусник неожиданно накренился, и вся вода перелилась в ту часть каюты, где находился Колман. Туда же последовали доски и всплывший тюфяк. Тюфяк и одна из досок остановились над Колманом, притиснули его к шкафу. Он стал отчаянно трепыхаться под ними, пытаясь вылезти наверх, но не мог. Воздух из его легких выходил, поднимаясь вверх стайей пузырьков, он чувствовал, что слабеет с каждым мигом. У него потемнело в глазах. Но когда он был уже готов потерять сознание, новая волна освободила его. Он выбрался на палубу и лег там, тяжело дыша и выплевывая воду.

День был на исходе, а мы все еще продолжали спасательные работы. Все это время ветер мало-помалу крепчал и наконец достиг такой силы, что возвращаться на судно стало опасно. Измученные, мы подплыли к берегу, вышли на песок, поднялись на кручу и бросились на землю.

Море победило.

Некоторое время мы лежали неподвижно, не в силах пошевелиться от усталости. Солнце садилось, тени становились все длиннее и длиннее. Очнувшись, мы стали осматриваться – нет ли следов человеческого существования? Их не было. Позади берег полого спускался к полукруглой изумрудной лагуне, ограниченной с противоположной стороны белой полосой песка. За ней снова начиналось открытое море. Милях в пяти смутно виднелись очертания небольшого острова. Суша уходила к югу, изборожденная неглубокими долинами и низкими гребнями. Мы находились на самом возвышенном месте какого-то острова. Пройди судно сотней ярдов севернее, оно миновало бы рифы.

Но что толку в запоздалых сожалениях? Экспедиция потерпела неудачу. Сквозь заросли пальм, эфедры и кактусов мы спустились к лагуне. Прекрасное место для якорной стоянки! Быть может, на песке нам удастся обнаружить признаки существования человека. Так и есть. Куча тростника, срезанного, по-видимому, несколько месяцев назад, разбитые раковины. Больше ничего.

В тот же вечер нам пришлось стать свидетелями одного из самых прекрасных зрелищ на земле, какое может увидеть человек, восприимчивый к краскам. Мы понуро возвращались на берег, стараясь не глядеть на останки судна. Солнце садилось, заливая все вокруг золотом. Внезапно откуда-то сверху, из самой небесной выси донесся слабый жалобный крик, похожий на крик диких гусей, когда дует северный ветер. Мы взглянули на небо и замерли. Над островом пролетала стая красных фламинго, и их крылья пламенели в лучах заходящего солнца. Подобно гусям, они летели клином с вожаком впереди. Их были сотни. Крылья птиц горели багровым огнем, а самые их кончики были бархатно-черные.

Не переставая кричать, фламинго пролетели над нами, достигли края острова и повернули обратно. В тот же момент солнце скрылось за горизонтом, унеся вместе с собой свет и погрузив землю и море в темноту.

Под яркими звездами, под песнь ветра, шелестевшего в траве и перекатывавшего песчинки по дюнам, мы заснули как убитые на твердой земле, пахнувшей прелыми листьями. И хотя море всю ночь колотило о риф останки нашего судна, мы ни разу не проснулись.

Мы поднялись на другое утро отдохнувшими, и будущее рисовалось нам не в таких мрачных тонах. Новый день приносит с собой новые проблемы, новые задачи, новые идеи. Во всяком случае, пока что с морем покончено. Нам остается суша. Что делать дальше?

Прежде всего – где мы находимся? Нам было известно только, что мы попали на один из Багамских островов. Но на который именно? Из кучи спасенных вещей мы вытащили карту. Полуденные наблюдения дали широту группы островов Кайкос. Я склонялся к мнению, что мы на Большом Кайкосе – на востоке Багамского архипелага. Колман, полагая, что мы ошибаемся в определении широты, утверждал, что нас выбросило на Маягуану. Но тогда что это за остров в пяти милях к северу? Будь мы на Большом Кайкосе, он лежал бы на северо-западе. А с Маягуаны вообще не должно быть видно никакого острова, потому что ближайшая группа островов – Планас – лежит от Маягуаны милях в двадцати и притом скорее к западу, чем к северу. Единственный остров, имеющий соседа на севере, – Большой Инагуа; это второй, и последний, из крупных островов Багамского архипелага. Но мы не могли попасть на Инагуа. Чтобы попасть на Инагуа, плывя прямо на юг, нужно пройти не более чем в миле от Маягуаны или одного из островов Кайкос. И конечно, мы не могли миновать их, не заметив. Непонятно, где же мы?

Что делать? Недолго думая, мы решили, что Колман останется на месте и займется спасением остального имущества, а я пойду искать людей, если они здесь окажутся. Через полчаса я уже полностью собрался в дорогу и вскинул на плечи узел с провизией, одеялом и двухлитровой флягой, наполненной водой, решив идти вдоль берега, пока не встречу какое-нибудь селение. Если такового не окажется, обойду остров и вернусь на это же самое место.

Но сначала я пошел на берег, чтобы среди остатков спасенного снаряжения найти себе одежду. Мы оба остались в лохмотьях. Брюки порвались и висели лоскутами, рубашки выглядели немногим лучше. Вытащив на берег самые ценные инструменты, мы дальше уже хватали все, что попадало под руку.

Мы особенно нуждались в тапочках, потому что те, что были у нас на ногах, совершенно изодрались об острые кораллы. Несколько пар валялось на песке, мы вымыли их и надели. Это придало нам более респектабельный вид. Но тем не менее даже и теперь мы едва ли могли показаться в своем одеянии на вечернем приеме.

На верху откоса мы попрощались. В какую сторону идти? Мне было безразлично. Пожалуй, лучше на юг, особенно если мы и вправду находимся на Большом Кайкосе. Я слышал, что на нескольких соседних островах есть селения. Тогда, может быть, мне удастся переплыть на один из них. Я поднялся на песчаный гребень, тянувшийся параллельно берегу. Колман в это время входил в воду лагуны, собираясь плыть к рифу. Он был уже около бурунов и искал более или менее тихое место, чтобы пробраться к паруснику, не разбившись о кораллы.

Параллельно гребню, по которому я шел, тянулся нескончаемый песчаный берег – белая полоса, опоясавшая зеленые заросли. Рядом раскинулись тихие воды лагуны, ярко-изумрудные там, где дно было песчаное, и светло-зеленые – где оно поросло водорослями. С внешней стороны лагуну окаймлял волнистый барьерный риф. Волны разбивались об него, и пена казалась особенно белой в сравнении с темно-синей водой моря. За рифом дно круто уходило вниз – согласно карте, на две тысячи морских саженей, или на три с половиной тысячи метров.

Приятно было снова оказаться на земле, хоть высадка прошла и не совсем так, как нам того хотелось.

Из глубины острова доносились густые, резкие запахи земли – запах засохшей грязи, нагретой солнцем травы, аромат множества цветов. Приятно было снова чувствовать, как хрустит под ногами песок, видеть живые существа – десятки ящериц, гревшихся на солнце, убежали из-под ног, ища укрытия.

Одна из них меня очень заинтересовала. Она принадлежала к какой-то новой разновидности, еще никем не описанной. Я попробовал поймать ее, но она быстро скрылась в кустарнике. Ну и пусть, у меня все равно нет формалина, чтобы законсервировать ящерицу. К тому же мы, вероятно, пробудем здесь довольно долго, и мне еще не раз представится возможность встретить такую же ящерицу.

Эта ящерица навела меня на прекрасную мысль. В нашем распоряжении остров. Нам уже не удастся побывать в Вест-Индии. Наша научная программа засохла на корню. Зато у нас под ногами совершенно неисследованный клочок суши. Здесь, на острове, должен существовать свой собственный мир живых существ, бегающих, ползающих, лазающих, составляющий единое целое в экологическом отношении. Мы должны узнать об этом острове все, что возможно. Исследовать остров, окруженный со всех сторон океаном, совершенно изолированный от мира, – ведь это так заманчиво! Острова тем и интересны для исследователей, что жизнь на них изолирована и сконцентрирована.

Большие пурпурные крабы бегали среди травы и, подобно ящерицам, прятались, завидев меня. Каково их место в этом островном мире? А эти улитки, гроздьями висящие на стеблях травы! Что им здесь понадобилось? Зачем они на траве?

Весь остров предоставлен нам: и земля, и вода, и небо, и бледно-зеленые лагуны. Вот движется в воде неясный силуэт гигантской морской черепахи – наверное, она возвращается

с утренней кладки яиц. И берег – живая пульсирующая полоска, не принадлежащая ни земле, ни морю, а по очереди тому и другому. Все это наши владения.

Как бы желая показать мне тщеславность моего стремления узнать обо всем, что есть на острове, из кучи кактусов выпорхнул колибри⁸

⁸ Орнитологи описали уже более 500 видов колибри (Trochilidae). Они обитают только в Америке, это самые маленькие птички: многие из них не больше шмеля, другие – с пеночку, крапивника, но ни одна не крупнее ласточки. Лапки у колибри маленькие, крылья длинные, заостренные, как у стрижей, ближайших их родичей. Клов длинный, обычно прямой или слабо изогнутый, иногда серповидный. Ни у одной из птиц, кроме нектарина, похожих на колибри птичек Восточного полушария, нет такого языка, как у колибри: у некоторых видов в вытянутом состоянии он длиннее тела. Своим трубчатым, как у бабочек, языком колибри высасывают нектар из цветов. Раньше думали, что колибри питаются только сладким соком растений, но оказалось, что они едят главным образом (а некоторые виды и исключительно) мелких насекомых. Нектаром они, так сказать, лишь подслащивают свой обед как десертом. Но насекомых ловят преимущественно в цветах. Колибри, которых кормили одним лишь сахарным сиропом, погибали от недостатка белковой пищи через один-два месяца. Окраска колибри великолепна. В их оперении представлены цвета и оттенки всех драгоценных камней, о чем можно судить по названиям этих птичек: топазовый, аметистовый, берилловый, смарагдовый, сапфировый, рубиновый, гранатовый колибри. Колибри выют из растительных волокон миниатюрные и изящные гнездышки, некоторые величиной не больше половины грецкого ореха, и подвешивают их, подобно гамакам, к свисающим над водой лианам, к кончикам пальмовых листьев или к скалам. Эти крохотные птички очень смелы и воинственны: самцы отчаянно дерутся не только друг с другом, но и отважно нападают на других птиц, даже на хищных. Защищая гнезда, атакуют и древесных змей, целясь тонким клювом в глаз! Большинство колибри обитают в тропиках, но некоторые виды летом залетают в умеренные и холодные страны. На севере Американского континента встречаются два вида перелетных колибри: рубиновошейный – *Archilochus colubris* (на востоке США и Канады) и красный огненосец – *Selasphorus rufus* (на северо-западе США и в западных штатах Канады). Последний мигрирует вдоль побережья до острова Ситха и даже дальше. Зимуют эти колибри в Мексике, преодолевая каждый раз весной и осенью более четырех тысяч километров над морем и сушей. Некоторые колибри Южного полушария тоже мигрируют в холодные края. Их видели во время снежного бурана на берегах Огненной Земли порхающими вокруг цветов фуксии. Название колибри заимствовано из языка индейцев-карибов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.